

Марек Петр Семенович

**Очерки по истории
просвещения евреев в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П30

П30 **Петр Семенович М.**
Очерки по истории просвещения евреев в России / Марек Петр Семенович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 295 с.

ISBN 978-5-519-95379-5

ISBN 978-5-519-95379-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сается раввинскихъ училищъ, мы признаемъ, что о нихъ слѣдовало бы говорить болѣе подробно. Однако, мы убѣждены, что дѣйствительная исторія этихъ училищъ можетъ быть написана лишь на основаніи ихъ архивовъ. Пока же приходится оперировать надъ мелкимъ матеріаломъ, разбросаннымъ въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ.

Нѣкоторыя главы настоящей книги были въ свое время напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ. Эти главы въ большей или меньшей степени подверглись переработкѣ. Въ текстѣ будетъ указано, гдѣ какая глава была помѣщена, а также въ какой мѣрѣ она въ настоящей книгѣ переработана.

Москва, Январь 1909 г.



Наканунъ просвѣщенія

(ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ).

I.

Около 35 лѣтъ тому назадъ издатель «Еврейской Библіотеки», помѣстивъ статью г. М. Моргулиса: «Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ», счелъ нужнымъ выразить свое сожалѣніе по поводу того, что авторъ не обратилъ должнаго вниманія на *внутреннее броженіе* среди евреевъ, предшествовавшее эпохѣ *внѣшняго просвѣдительнаго воздѣйствія* со стороны правительства.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. За это время накопилось не мало матеріала по исторіи интересующаго насъ вопроса. Но, къ сожалѣнію, и теперь, какъ и раньше, повѣствованіе объ образованіи русскихъ евреевъ стремится подчеркнуть просвѣдительную роль правительства, оставляя въ тѣни борьбу разныхъ культурныхъ теченій въ самомъ еврействѣ. Получается впечатлѣніе, будто новая эра еврейской жизни зародилась въ какомъ-то департаментѣ, сдѣлавшемъ зависѣвшее отъ него распоряженіе: «да будетъ свѣтъ!» А между тѣмъ уже давно въ нѣкоторой части русскаго еврейства происходилъ процессъ накопленія новыхъ идей, шедшихъ въ разрѣзъ съ неподвижнымъ міросозерцаніемъ толпы и возникавшихъ помимо правительственной инициативы и задолго до нея. Уже давно представители старины слѣдили съ безпокойствомъ за постепеннымъ ростомъ въ еврейскомъ обществѣ вольнодумства, подъ которымъ въ то время разумѣлась всякая попытка къ расширенію умственнаго горизонта. Въ чертѣ еврейской осѣдлости нарождался новый типъ, характерные признаки котораго, неясные вначалѣ, стали со временемъ опредѣляться все болѣе и болѣе рельефно. Происхожденію и эволюціи этого типа мы и посвящаемъ настоящую главу.

Въ началѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда въ Министерствѣ Нар. Просв. и въ заинтересованныхъ еврейскихъ кругахъ былъ поднятъ вопросъ о вывозѣ изъ Германіи изряднаго количества «докторовъ» для проведенія въ жизнь намѣченныхъ просвѣтительныхъ мѣръ, одинъ изъ передовыхъ еврейскихъ дѣятелей высказался по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Наша земля не оскудѣла знаніемъ. Правда, въ сравненіи съ массой интеллигентныя силы единичны и разрознены, но государству нечего искать ученыхъ людей гдѣ-то далеко на сторонѣ; пусть оно кликнетъ кличъ у себя же дома, и они явятся». ¹⁾

Подобное мнѣніе въ связи съ фактомъ, что безъ иностранныхъ «докторовъ» дѣйствительно обошлись ²⁾, невольно наталкиваетъ насъ на мысль, что интеллигентъ черты осѣдлости старше, чѣмъ онъ обыкновенно значится въ большинствѣ историческихъ хроникъ.

Тотъ, котораго мы въ дальнѣйшемъ изложеніи условимся называть «интеллигентомъ», былъ уже давно извѣстенъ народу, хотя и подъ другими, болѣе выразительными именами: по происхожденію онъ слылъ за «берлинца», по религіозно-этическому міросозерцанію его почему-то называли «эпикурійцемъ», а по внѣшнимъ вліяніямъ, которымъ онъ подчинялся, — «нѣмчикомъ».

Эпитетомъ «берлинецъ» народъ, конечно, имѣлъ въ виду подчеркнуть духовное родство русско-еврейскаго интеллигента съ кружками еврейскихъ прогрессистовъ, возникшими впервые въ Берлинѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Это родство, какъ мы увидимъ ниже, дѣйствительно существовало, и его признавалъ вмѣстѣ съ народомъ и самъ интеллигентъ. Но, къ сожалѣнію, легенда о предкѣ изъ Берлина разрослась до непропорціональных размѣровъ и оттѣснила на задній планъ всѣхъ прочихъ предковъ еврейскаго прогрессиста западно-русскихъ окраинъ.

Какъ ни старалось насильно загнанное въ гетто еврейство сдѣлать непроницаемой свою теократическую скорлупу, оно все-таки не сумѣло укрыть свою Ахиллесову пятую. Религія, оградившая себя со всѣхъ сторонъ отъ вторженія критической мысли, все же оставила извѣстную нейтральную, или, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ М. А. Гинцбургъ: „Намoria“, стр. 43. Варшава 1878 г.

²⁾ Подробности о вызовѣ еврейскихъ учителей изъ Германіи изложены въ главѣ „Учительскій персоналъ“.

не столь запретную область знанія. Это была область, такъ сказать, чистаго знанія, не воинствующаго, не пропитаннаго ядомъ сомнѣній, не вносящаго духа противорѣчій. Такой столпъ правовѣрія, какъ извѣстный Илья Виленскій, занимался еврейской грамматикой и нѣкоторыми отдѣлами математики. Тѣми же науками занималась и другая крупная личность конца 18 вѣка, р. Залманъ (изъ Воложина), для иллюстраціи правовѣрія котораго его біографъ рассказываетъ, что еще на материнской груди онъ произносилъ соотвѣтствующую молитву ¹⁾. «И это уже извѣстно,—говоритъ еврейскій писатель того же времени— что среди еврейскихъ выходцевъ изъ Польши имѣются люди, которые, при глубокой религіозной эрудиціи, самоучкой постигли и нѣкоторыя математическія науки» ²⁾. Переходя къ началу 19 в., мы опять встрѣчаемся съ типомъ людей, соединявшихъ религіозную убѣжденность съ нѣкоторыми порывами въ область невинныхъ знаній. «Онъ любовно относился къ сочиненіямъ по еврейской грамматикѣ—рассказывается о раввинѣ Ильѣ Раголерѣ—и изучилъ «Руководство древне-еврейскаго языка» Бенъ-Зева хотя авторъ былъ въ сильномъ подозрѣніи у современниковъ» ³⁾. Ко времени нашествія Наполеона мы встрѣчаемъ ортодокса-мецената І. Цейтлина окруженнаго въ своемъ имѣніи (Устье, Могилевской губ.) плеядой не менѣе ортодоксальныхъ лицъ, посвящающихъ не мало времени разнымъ научнымъ изслѣдованіямъ ⁴⁾.

Итакъ, первые польско-лиговскіе піонеры свѣтскаго знанія принадлежали по своему міросозерцанію къ приверженцамъ строгаго правовѣрія. Науку они цѣнили по столько, по сколько она является гармоническимъ дополненіемъ къ религіи, по сколько она не вторгается въ область божественнаго. Ортодоксальные предки еврейскаго интеллигента наивно полагали, что избранная ими область знанія столь безобидна и наивна, что она всегда будетъ мириться со своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Однако они ошиблись. Незамѣтно для себя они внесли въ область религіознаго мышленія новое, болѣе раціоналистическое направленіе. Невинная грамматика нанесла ударъ прежнему исключительно схоластическому методу религіознаго изученія. Холодная мате-

¹⁾ „Toldoth Adam“ стр. 7, 31, 93. Вильно 1884 г.

²⁾ „Diwrei Schalom Woëmeth“. Н. Вессели, стр. 74, Варшава 1886 г.

³⁾ „Toldoth Elijah“, стр. 16, Вильно 1900 г.

⁴⁾ „Kiria Neëmana“ С. Фива, стр. 277—279.

матика внесла въ это изученіе нѣкоторую послѣдовательность и, пожалуй, трезвость. И не простою случайностью объясняется фактъ, что, именно, упомянутый Илья Виленскій и явился инициаторомъ болѣе трезваго и менѣе схоластическаго религіознаго направленія, а всѣ перечисленные выше, равно и подобныя имъ лица называли себя его ярыми приверженцами: нѣсколько раздвинутый свѣтскимъ знаніемъ религіозный кругозоръ незамѣтно долженъ былъ открыть новый путь. Однако и на этомъ новомъ пути предокъ еврейскаго интеллигента съ успѣхомъ подчинялъ науку, такъ сказать, гегемоніи церкви. Гетто съ ея неподвижною, строго регламентированною во всѣхъ мелочахъ жизнью не давало поводовъ ни къ свободному мышленію, ни къ соблазнительному подражанію внѣшнимъ вѣяніямъ. Если сюда врывалась какая-нибудь новая струя, то она быстро окрашивалась въ религіозный цвѣтъ. Прикованная къ вѣрѣ, всякая новая мысль должна была оставаться въ ея же распоряженіи. Поиски новыхъ путей, охватившіе во второй половинѣ 18 в. польско-литовскихъ евреевъ, шли не дальше освященныхъ свыше основъ: хасидизмъ звалъ своихъ адептовъ на путь религіозной морали и самоусовершенствованія, а направленіе, обыкновенно связываемое съ именемъ Ильи Виленскаго, обратило вниманіе на религію главнымъ образомъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ приемовъ изученія. Въ польско-литовскомъ гетто всякая мысль вертѣлась въ священномъ, со всѣхъ сторонъ закрытомъ, колесѣ. Дать этой мысли иное направленіе могъ какой-нибудь сильный *внѣшній* толчекъ. Къ этимъ внѣшнимъ вліяніямъ мы и переходимъ.

Впродолженіе почти двухъ столѣтій (XVII и XVIII) западные евреи жили подъ сильнымъ религіозно-культурнымъ воздѣйствіемъ своихъ польско-литовскихъ единовѣрцевъ. Свѣтъ приходилъ съ востока. Западъ получалъ отсюда раввиновъ, посылалъ сюда молодыхъ людей для усовершенствованія въ богословскихъ наукахъ въ извѣстныхъ польско-литовскихъ академіяхъ (іешиботахъ). Востокъ же снабжалъ западъ учителями. Еще въ 80-хъ годахъ 18 в. нѣмецко-еврейскій поэтъ Н. Веселли жалуется: «Есть среди германскихъ евреевъ—говоритъ онъ—выдающіеся писатели и поэты, а мы вмѣсто того, чтобы учиться у нихъ, привыкли воспитывать своихъ дѣтей подъ руководствомъ учителей, выходцевъ изъ Польши ¹⁾».

¹⁾ „Diwrei Schal. Woëm.“ стр. 27.

Однако въ то время, когда писались эти строки, были уже нѣкоторые симптомы, что востокъ и западъ скоро помѣняются ролями. Болѣе молодые выходцы изъ Польши и Литвы, вмѣсто того, чтобы вліять, сами подпали подъ властное вліяніе идей, охватившихъ въ послѣднія десятилѣтія 18 вѣка нѣкоторые слои еврейскаго общества въ Германіи. У себя на родинѣ большинство этихъ выходцевъ продолжали бы смотрѣть на науку, какъ смотрѣли на нее Илья Виленскій, его ортодоксальные предшественники и его послѣдователи. Но, вырвавшись изъ гетто и подпавъ подъ западное просвѣтительное вліяніе, они подвергли переоцѣнкѣ свое прежнее міросозерцаніе. Для однихъ наука получила самостоятельное значеніе безъ всякаго отношенія къ религіи, для другихъ наука и религія являлись двумя непримиримыми началами. Однако, и тѣ, и другіе сходились на одномъ: выходъ изъ гетто возможенъ черезъ просвѣщеніе. Берлинскій кружокъ, руководимый вначалѣ Мендельсономъ, счелъ нужнымъ, прокладывая новые пути для своихъ западныхъ единовѣрцевъ, распространить свою сферу воздѣйствія и на восточныхъ евреевъ. Въ этомъ отношеніи польско-литовскіе выходцы могли оказать кружку важныя услуги. «Моимъ друзьямъ (въ Берлинѣ)—рассказываетъ одинъ изъ выходцевъ, Соломонъ Маймонъ—пришла въ голову мысль, что я могъ бы содѣйствовать распространенію просвѣщенія между живущими еще въ мракѣ польскими евреями разными сочиненіями на еврейскомъ языкѣ, единственнымъ, который имъ доступенъ. Эти человѣколюбивые люди взяли печатать и распространять мои будущія сочиненія на свой счетъ». Но тутъ же возникъ вопросъ: съ какихъ книгъ слѣдуетъ начать? И въ разныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ по этому вопросу, проглядываютъ всѣ тогдашнія передовыя теченія. Одинъ находилъ, что въ цѣляхъ пропаганды важнѣе всего было бы издать исторію еврейскаго народа: «только исторія—мотивировали сторонники этого мнѣнія—можетъ выяснить имъ происхожденіе религіи и послѣдующее извращеніе ея истинъ, причины... преслѣдованій и гнета и, наконецъ, причины ихъ невѣжества и упрямаго сопротивленія всякимъ разумнымъ учрежденіямъ». Другой полагалъ, что «надо начать «естественной религіей» и разумной моралью, такъ какъ въ этомъ, именно, и состоитъ вся цѣль просвѣщенія». Самъ Мендельсонъ полагалъ, что «всѣ эти предпріятія не причинятъ вреда, но и пользы большой тоже не при-

несутъ» ¹⁾. И Мендельсонъ былъ несовсѣмъ правъ. Какъ исторія съ вышеуказанными тенденціями, такъ и «естественная религія» одинаково вызвали бы со стороны польско-литовскихъ евреевъ глубокое возмущеніе и еще болѣе отдалили бы берлинскій кружокъ отъ его цѣли. Соломонъ Маймонъ прекрасно понималъ это. Къ пропагандѣ просвѣщенія въ то время слѣдовало подходить осторожно, деликатно и съ извѣстнымъ дипломатическимъ тактомъ. И Маймонъ предлагаетъ тотъ же путь, который уже имѣлъ за собою нѣкоторое историческое прошлое: «по моему мнѣнію,—заявляетъ онъ—было бы лучше всего дать евреямъ возможность познакомиться съ реальными науками» ²⁾. Выходцы изъ Польши и Литвы ясно видѣли, что просвѣщеніе еще не можетъ проникать въ еврейскую среду открыто, безъ маски, а должно прокрадываться подъ тѣми или другими законными титулами. Такой характеръ носило другое предпріятіе берлинскаго кружка—изданіе Библии съ комментаріемъ и съ параллельнымъ нѣмецкимъ переводомъ, напечатаннымъ еврейскимъ шрифтомъ. Болѣе строгіе ортодоксы, конечно, сейчасъ же сообразили, что подъ благочестивымъ покровомъ В. Завѣта берлинскіе прогрессисты скрываютъ свои дѣйствительныя намѣренія—ознакомленіе евреевъ съ нѣмецкимъ языкомъ и болѣе раціональное толкованіе текста. Нѣкоторые раввины пытались разстроить предпріятіе Мендельсона. Имъ даже удалось отвлечь отъ него одного изъ самыхъ главныхъ сотрудниковъ по этому дѣлу, Соломона Дубно. Раввины убѣдили его въ грѣховности предпріятія. «Какъ дервишъ въ «Натанѣ»,—говоритъ Грець—Соломонъ Дубно вдругъ оставилъ и почетное мѣсто, и честно заработанное вознагражденіе за свой трудъ и убѣжалъ въ пустыню—въ Польшу» ³⁾. Однако, не всѣ раввины встрѣтили враждебно трудъ Мендельсона и его помощниковъ. Этотъ трудъ, выполненный, кстати сказать, главнымъ образомъ при содѣйствіи выходцевъ съ востока, получилъ доступъ въ польско-литовскую еврейскую среду и, какъ увидимъ ниже, сослужилъ важную службу.

Для нашей цѣли мы считаемъ сказанное вполне достаточнымъ для констатированія факта, что наканунѣ 19 вѣка еврей-

¹⁾ „Евр. Библіотека“ т. II: „Автобіографія Соломона Маймона“, стр. 333.

²⁾ Ibid. стр. 334.

³⁾ „Исторія евреевъ“ Греца, т. XI, стр. 42 (въ русскомъ переводѣ).

скій западъ, долго питавшійся культурой еврейскаго востока, съ своей стороны выступаетъ съ культурной миссіей по отношенію къ восточнымъ единовѣрцамъ.

Если ортодоксальный родоначальникъ польско-литовскаго интеллигента сумѣлъ подчинить свѣтское знаніе дисциплинѣ религіи, то западное вліяніе, перенесенное на востокъ, на первыхъ порахъ тоже пыталось оставаться въ предѣлахъ этой дисциплины. Появилось второе поколѣніе интеллигента, стремившееся не столько къ *заимствованію чужого знанія*, сколько къ отысканію *еврейскихъ путей* къ знанію. Это второе поколѣніе, сохраняя прежнее правовѣріе, тѣмъ не менѣе придавало уже свѣтскому культурному элементу самостоятельное значеніе. Представители этого направленія, прислушиваясь къ пѣснѣ запада, заимствовали однако изъ нея лишь мелодію, но не воинственное ея содержаніе. Открывшійся новый горизонтъ будилъ въ нихъ какія-то неясныя чувства, неопредѣленные порывы. Какъ сантиментальныхъ мечтателей, западъ заразилъ ихъ не столько содержаніемъ своей пропаганды, сколько обстановочной поэзіей. Новое слово увлекло ихъ не своей глубиной, а красивой формой выраженія. Изъ западной проповѣди они прежде всего восприняли ея языкъ. Если берлинскій кружокъ смотрѣлъ на древне-еврейскій языкъ главнымъ образомъ, какъ на проводникъ знанія, то описываемое нами поколѣніе польско-литовскихъ интеллигентовъ считало этотъ языкъ самоудовлѣющею цѣлью. Витѣватый слогъ, звучная риѣма, красивое выраженіе получили самостоятельную цѣнность внѣ зависимости отъ содержанія. Погоня за красотой формы стала характерной особенностью какъ самой ново-еврейской литературы, такъ и ея читателей. Писать кудревато и умѣть риѣмовать стихи считалось, какъ бы признакомъ хорошаго тона. Для этого не надо было ни таланта, ни особаго вдохновенія. Особыя руководства и «письмовники» предлагали желающимъ рецепты и образцы¹⁾. Это былъ періодъ, такъ сказать, орнаментальнаго письма. «Всѣ они ушли въ область вычурнаго слова и стиха»—говоритъ еще въ 1835 году о тогдашнихъ интеллигентахъ Х. З. Слонимскій, упрекая ихъ за равнодушное отношеніе къ реальнымъ знаніямъ²⁾. Однако, не слѣдуетъ забывать и за-

¹⁾ Смотри, напр., „Ksaw-Joscher“ Шолома Гакогена, стр. 79—80, первое изданіе вышло около 1820 г.; второе, въ Варшавѣ въ 1871 г.

²⁾ „Kochba Daschwit“—Вильно 1835 г., см. введеніе автора.

слуги этого направленія: въ погонѣ за словомъ и слогомъ впервые зачался процессъ обработки *священнаго* языка для *земныхъ* цѣлей. Правда, вначалѣ интеллигентъ оставался на почвѣ заоблачныхъ грезъ и вносилъ въ этотъ процессъ благоговѣніе и осмотрительность. Правда, онъ не превращалъ земного въ будничное, и священный языкъ продолжалъ ему служить для выраженія возвышеннаго. Но это было только возвышенное, но ужъ не религиозное. Священный языкъ пережилъ грѣхопаденіе: изъ божественнаго онъ сталъ человѣческимъ. Въ этомъ и заключается заслуга интеллигента—стилиста: онъ старался выработать языкъ для своихъ *доморощенныхъ* невинно-сентиментальныхъ мыслей, предоставивъ слѣдующему поколѣнію позаимствовать для него *извнѣ* болѣе богатое содержаніе.

Переходимъ къ интеллигенту—внуку.

Одинъ изъ представителей этого третьяго поколѣнія приводитъ такую параллель между собою и своимъ интеллигентнымъ отцемъ: „Я—говоритъ онъ фигурально—рождаю *нѣмецкія* мысли и шью имъ облаченіе изъ чистаго священнаго языка, а онъ рождалъ свои мысли непосредственно на этомъ (священномъ) языкѣ»¹⁾. Такимъ образомъ за интеллигентомъ—стилистомъ слѣдуетъ интеллигентъ—«нѣмчикъ». Въ культурную жизнь польско-литовскихъ евреевъ ворвалось чужое вліяніе. Кругозоръ интеллигента расширяется нѣмецкими мыслями. Древне-еврейскій языкъ начинаетъ перерабатывать послылки, заимствованныя на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣдній становится для интеллигента первоисточникомъ мысли и знанія. Вопросъ о языкѣ получилъ на практикѣ другое рѣшеніе, чѣмъ это предлагалось въ теоріи. Заграничные приверженцы Мендельсона почти съ самаго начала стали разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія государственности. Ту же точку зрѣнія они рекомендовали и своимъ восточнымъ единовѣрцамъ. «Наши братья въ Англіи, Италіи, Франціи и Германіи—читаемъ мы въ одномъ изъ ихъ воззваній, напечатанномъ въ ихъ партійномъ органѣ «*Hamassef*»—уже давно.. изучили хорошо языки государствъ, въ которыхъ живутъ... Польза отъ этого многозначительна. Во 1-хъ, нужно умѣть, какъ слѣдуетъ, говорить, когда приходится обращаться къ вельможамъ, сановникамъ и правителямъ; вѣдь благодаря этому представляется возможность сказать слово защиты въ пользу евреевъ и добиться

¹⁾ «*Awießer*» М. А. Гипцбурга, стр. 66, Вильна 1863 г.